

КРАСНАЯ ЯРАНГА

Узнав о том, что с будущего года на Камчатке не останется ни одной Красной яранги, я засуетился. Все ближайшие планы разбивались в пух и прах. Я думал только об одном: успеть. До сих пор все надеялся, что удобный случай сам подвернется, что успею. Но теперь понял, что надвигается катастрофа. Упускаю из рук мечту. Есть официальное решение ликвидировать Красные яранги. Это значит, я уже никогда не смогу поработать в ней. Но прежде несколько слов о том, что такое Красная яранга.

В начале тридцатых годов появились первые передвижные отряды, в которые входили: заведующий, врач, учитель, кино-механик, библиотекарь. Отряды на собачьих и оленьих упряжках передвигались по тундре из поселка в поселок, из табуна в табун. Они несли с собой в дикие уголки культуру, знание, свет. Как и всем первопроходцам, тяжело было зачинателям этого дела. Коряки, воспитанные на протяжении веков по законам шаманов, не хотели мириться со всем тем, что шло вразрез с укоренившимися обычаями, многие из которых приносили людям неисчислимые бедствия, болезни, страдания. Но как ни старались враги передвижных отрядов, названных впоследствии красными ярангами, ничего у них не выходило. Красная яранга смело шагала по тундре.

Коряки, ительмены, алеуты, чукчи, ламуты — маленькие народности, населяющие полуостров, — вскоре по-настоящему оценили значение Красной яранги, которая и лечила больных, и открывала для них какой-то новый, неведомый доселе мир. Более трех десятилетий верно служила Камчатке Красная яранга.

Но когда по всему полуострову уже открывались школы, больницы, кинотеатры — открывались не без помощи Красной яранги, — никто не нуждался в этих передвижных отрядах. Вот и пришел последний час. Много перед тем спорили, писали, заседали и, наконец, решили: ликвидировать с будущего

года. Я верю, когда-нибудь поставят памятник Красной яранге. Художник, наверное, изобразит чум (яранга — это и есть чум, юрта), над которым горит факел. Все это дело будущего. А пока меня беспокоило одно: всеми правдами и неправдами устроиться врачом в тундре. В последней красной яранге. Ведь не только первое — история. След оставляет и последнее.

И вот я принят врачом в Красную ярангу. Шесть месяцев мы путешествовали по тундре на собачьих упряжках. Конечно, это не путешествие в обычном смысле. Например, в пургу мы сидели в чуме у оленеводов и ждали порой неделями погоды. Что ели оленеводы, то и мы. В основном оленина и рыба. Не волновались мы и за собак. У нас были свои штатные каюры, которые всегда доставали юколу для лаек. Словом, Красная яранга — солидная, надежная организация, и работа в ней была налажена четко. Но работа эта, конечно, особая. Каждый занимался своей специальностью в необычных условиях. Шутка сказать — шесть месяцев находиться в тундре.

Бывало, прибываешь в новый табун — для оленеводов праздник. Пришли новые люди: будут лечить, будут что-то рассказывать, обновлять аптечку, крутить фильм. А каково же нам! С собой мы везли четыре фильма, и они так осточертели, что просто тошнило от них. И ведь никуда не денешься: приходится смотреть. Не будешь же полтора часа бродить по морозной тундре, пока в чуме крутят кино. Лежа на шкуре, с силой закрываешь глаза. И по звуку представляешь все кадры, словно во сне.

Правда, во всем этом есть и своя прелесть. В первую очередь впечатления от встреч с оленеводами.

Я могу бесконечно слушать их бесхитростные рассказы и байки, легенды и песни. Я уже шесть месяцев мотаюсь по тундре, и каждый день одно и то же. А каково же нашему Володе Кулешову, учителю Красной яранги? Десять лет он бродит по тундре и ни разу не пожаловался на однообразие.

С Володей мы сдружились сразу. Молчаливый, замкнутый, он, случалось, так разоткровенничается, что заслушаешься. Уже через месяц-два, когда на меня напала тоска, я не раз спрашивал у него, как это он десять лет живет такой, чего таить, странной жизнью. Понимаю: год, ну три, а то ведь десять лет. Десять лет он не был на материке. Не знает, какие сейчас туфли в моде, какие галстуки. Читает, конечно, много. Слава Богу, с собой тащим целую библиотеку. В курсе всех событий на Большой земле. И все же...

Незадолго до окончания работы в красной яранге у нас состоялся такой разговор:

— У тебя есть дети? — спросил я его.

— Как тебе сказать? И да и нет.

— Как понять это? — удивился я.

— Как хочешь, так и понимай.

— И все-таки?..

— История эта длинная.

— Делать-то все равно нечего.

Мы закурили. Немного погодя Володя начал:

— Это было двенадцать лет назад. Работал я тогда в школе. Только окончил институт. Хорошее было время: из Ленинграда прямо на Камчатку, да еще на север полуострова. Прямо дух захватывало. С детства был я нрава тихого, и отец, чтобы заглушить во мне этот комплекс неполноценности, брал с собой на охоту. Я пристрастился к этому делу так, что без него уже не мог. Собственно, ради этого я и подался в эти края.

А тут еще по приезде познакомился с охотником.

Отличный малый, Юра Пшонкин. Каждый выходной бродили с ним по тундре. Жена его Аня работала в детском саду. И было у них двое детей. Оба дошколята — Алеша и Оксана. Мы жили как одна семья. С охоты возвращаемся и знаем, что Аня соорудит не просто стол, а настоящий праздник.

Юра был парень видный, крупный. Лапы прямо медвежьи. Настоящий охотник. А жена тонкая, хрупкая, стройная, словно и не она рожала двоих детей. Совсем как девчонка. Часто они подтрунивали надо мной.

— И чего ты, брат мой, ходишь бобылем? Женись. Чего тянуть время? Неужто не хочется такое вот богатство заиметь? — скажет Юра, а потом повалил ребят на пышные медвежьи шкуры и давай бороться совсем как медведь с медвежатами.

— И когда ты, Юра, повзрослеешь?! — не скрывая своего счастья, говорила Аня.

Он возьмет и ее тоже повалит на шкуру. И ходит ходуном весь дом, наполненный жизнью и счастьем.

Однажды мы с Юрой бродили по смешанной тундре. День выдался спокойный. Шел снег. Ходили мы с ружьями, как это бывает на охоте, по разным тропам. Еще накануне Юра рассказывал, что в округе шастает медведь-шатун. Это тот медведь, который по каким-то причинам не лег в берлогу на зимовку. Такой зверь бывает очень свирепым.

Я шел по редкому лесу, покрытому пушистым снегом, и медведь не выходил у меня из головы. За каждым кустом мерещился шатун, о котором я с детства был слышан. Неожиданно до меня донесся истошный крик. Это было совсем рядом. Сразу же после крика я услышал выстрел, а потом протяжный рев. Через минуту все затихло.

Много мне раньше рассказывали, как медведь снимает скальп с человека. Жуткая это картина. Юра стоял на коленях, наклонившись вперед. Руками он обхватил голову. Кругом был красный снег. Чуть в стороне валялся, скрючившись, огромный костлявый медведь. Время от времени он с шумом выпускал из себя воздух.

От вида крови, от сознания собственной беспомощности меня всего колотило.

Я почему-то был уверен, что все это не так опасно. Ведь живут люди после подобных ран. Я потащу товарища домой, и все будет в порядке.

— Давай обопрись на меня, — сказал я, становясь на колени.

— Нет, Володя. Не надо. Это конец... И не успокаивай меня, у нас мало времени. Видишь, как все по-глупому вышло. Медведь... Ты того... Присмотри за детьми. Не оставляй их. Нет у меня больше никого. И еще... Аня, она неплохая... Она хорошая, Аня. Не потянет без мужика. Видишь, как все по-глупому вышло. Ради детей... Она хорошая.

Руки его вмиг ослабли. Я обнял его, стал тормошить. Кричал на всю тундру. Он не двигался.

До глубокой ночи тащил я друга на себе. По дороге потерял варежки и рук своих не чувствовал от холода. Мозг сверлила одна мысль: «Как же я теперь сообщу обо всем Ане и детям?» Долго сидел я под окном, которое светилось, наверное, единственное во всем селе. За окном была Аня. Она не спала. Я хотел было встать, но, как ни силился, не мог. Диву давался: как тащил Юру столько километров. Ноги онемели, а рук по-прежнему не чувствовал.

Ползком добрался я до двери и стал царапать ногтями. Тут же послышалось:

— Юр, это ты?

— Аня!.. — тихо позвал я.

Вмиг отворилась дверь, и Аня, увидев меня, закричала. Позже она говорила, что у нее было предчувствие. Она знала, что случилась беда.

Хоронили Юру всем селом. Люди, даже спустя месяцы, проходя мимо их дома, говорили шепотом.

Вскоре Алеша пошел в школу. Мальчишка привязался ко мне. И я к нему. Он все рвался со мной на охоту, но мать и слышать не хотела об этом. При ней вообще никто не смел произносить слово «охота». Подружились мы и с Оксаночкой. Маленькая, пухленькая, со светлыми курчавыми волосами и большими голубыми глазами, она однажды сидела у меня на коленях. Вдруг как подскочит, прижмется ко мне:

— А ты у нас, дядя Володя, правда, новый папа? Правда?

Наступила жуткая, какая-то кричащая тишина. Я посмотрел на Аню — она была мертвенно бледна. Выхватив дочку из моих объятий, она стала бить ее. Обычно плаксивая девочка не проронила ни слезинки.

Я был убежден, что после этого случая дорога к Ане заказана, и больше не ходил туда.

Каждый день в школе глядел из окна учительской во двор и искал глазами в беспокойной ватаге пацанов Алешку. Очень скучал по мальчишке. Втихаря мы ходили с ним в кино. Катались на лыжах. Он все рассказывал о матери, о доме. Заметив, что я люблю эти рассказы, он старался запоминать побольше. И я всегда знал, что происходило у них дома: и то, как Аня утром отшлепала Оксану, и то, как отругала Алешку за порванные брюки, и то, как она плакала, когда, доставая из шкафа пальто, обнаружила папины перчатки.

Не смог я жить без Ани. Не смог жить и без детей. Да и Юра не выходил из головы. Я чувствовал себя перед ним виноватым, и все же считал, что любая попытка сблизиться с Аней станет изменой его памяти. Недолго я тогда выдержал. Пошел к ней. И прямо к ходу выпалил:

— Аня, так продолжаться не может. Это глупо. Это самообман.

— Я себя не обманываю, — спокойно сказала она.

— Ну, зачем так? Ведь детям нужен отец. Они любят меня. Я люблю их. Так уж вышло. Ничего теперь не поделаешь. Стряслась беда. Но нельзя же, чтобы одно горе порождало другое.

— Что же ты предлагаешь, Володя?

— Я хочу, чтобы у Алеши и Оксаны был отец.

— А обо мне ты что скажешь?

— Ну зачем так, Аня? Мы должны быть вместе. Так завещал перед смертью Юра.

— Что говорил Юра?! Ты хочешь сказать, Юра просил тебя сделать мне предложение?.. Это неправда!.. Это неправда!.. — Она зарыдала. — По завещанию счастья не построишь...

— Не то ты говоришь, Аня. Не то. Ну какие вы мне чужие? Я ложусь спать — думаю о вас, просыпаюсь — и будто не расставался с вами. Какие же мы чужие? Я ведь люблю тебя.

Она меня не приняла, и, может быть, поэтому я полюбил ее еще сильнее. В те дни чаще, чем когда-либо, я думал о Юре и его завещании.

А что я сделал за это время? Больше года прошло с тех пор. В кино мальчишку водил, шоколадки приносил девчонке. И всё. Аня работала в саду воспитательницей и получала гроши. Мне сказали, что она шубу свою продала, чтобы детям теплые вещи купить.

Давно во мне созревала одна мыслишка, долго я носился с ней и вот решил наконец. Пошел к секретарю райкома. Рассказал ему об всем. Вначале он не мог понять, что же я хочу от него. И немудрено: случай в самом деле невероятный и не предусмотренный никакими инструкциями. Я предложил, чтобы мою зарплату переводили Ане. Но для этого нужно было выехать из поселка, ибо иначе очень скоро это выяснилось бы. Аня ни за что не согласилась бы на такое.

Аню вызвали в райком и сказали, что пенсию за мужа оформили неправильно. По закону, если несчастье случилось при исполнении служебных обязанностей, пенсия выплачивается членам семьи погибшего в размере заработка. А Юра был профессиональным охотником. Аня поверила. Теперь от меня зависит многое. Если я когда-нибудь сдамся, не выдержу, сойду с дистанции, заболею, отдам концы, то тайна откроется. Вот и решили мы тогда, что буду работать учителем в красной яранге. Во-первых, зарплата высокая; во-вторых, вроде бы я остаюсь в поселке и в то же время работаю далеко от него.

Так вот и жил все эти годы. Десять лет. Срок большой. Я этот срок всегда измеряю по-своему. Годовалые стали уже учениками третьего класса, десятилетние девчонки сделались мамами, голоштаные мальчишки служат в армии. Об одном я почти никогда не задумывался: сам повзрослел или, вернее, постарел на десять лет.

Детей я видел каждый год. Большею частью летом. Я всегда скучал по ним. Но странное это было чувство: я их видел только раз в году, во время летних каникул, и всякий раз они были какими-то разными. И я понимал, почему это так. Они росли без меня, менялись, выросли без меня. А я всегда в тундре помнил их такими, какими они были десять лет назад. И Аню вспоминал только такой, какой она была, когда отвергла мое предложение.

«Вспоминал», конечно, это не то слово. Я продолжал ее любить и с годами любил еще сильнее. Всякий раз, приезжая в поселок и видя, как хорошо, красиво живет Аня с детьми, я чувствовал себя по-настоящему счастливым. Я прекрасно понимал свое положение. Меня считают жалким, и я понимаю людей.

У них уже сложилась неизменная, традиционная мерка в определении человеческих отношений — такая, и никакая другая. А если у меня все вышло не так, все вышло иначе? Представляю, что подумали бы обо мне институтские друзья, узнав о моей жизни. Узнав о том, что я подался на край света за романтикой и что из этого вышло.

Тяжелее всего было получать письма от матери. У меня всегда портилось настроение, как только видел на конверте ее почерк. Раньше просто писала: «Когда же ты женишься, сынок?» А теперь стала добавлять к привычным расспросам и материнское беспокойство: не квелый ли я? Может, болезнь есть какая? У друзей и знакомых вон уже по двое, по трое детей. И все в таком духе.

Матери не приемлют неестественное. И это вполне закономерно, иначе черт-те что было бы с этим миром. Но оттого, что я все это сознавал, мне не было легче. Я бы, конечно, написал ей. Рассказал обо всем, и, думаю, она поняла бы меня. Но это могло быть только в том случае, если бы Аня не отвергла мою любовь.

Как-то я поведал свою историю одному человеку. Тоже вот, как и сейчас, была пурга, недели три сидели мы безвылазно в яранге. Он много говорил о себе, я о себе. А у меня, собственно, никакой другой истории нет. Только вот эта. Человек тот был откровенен, он ничуть не хотел мне сделать больно. Он считал, что нельзя любить кого-то просто так, по памяти, одними мечтами. Когда с человеком тебя связывает только память и больше ничего, то можно считать, что его нет в живых. Ведь и с мертвым нас связывает только память. Я никак не мог согласиться с моим знакомым. Мертвый всегда мертвый. А живой всегда рядом. Я-то ведь знаю, что Аня жива, живы Юрины дети. Значит, счастье свое я вижу в их счастье. Ради них живу. И еще: мне не всегда были понятны споры о том, что норма, а что нарушение. У меня так сложилась жизнь, но она моя. У меня появились именно такие чувства, и они тоже мои. Возможно, я буду жалеть потом. Возможно, буду кусать локти. Но я не верю, что такое может быть со мной.

Сейчас одно меня беспокоит. Последняя экспедиция красной яранги. Ума не приложу, куда теперь я подамся? Может, в рыбаки

на сейнер какой-нибудь? Пока Алеша и Оксана не достигли совершеннолетия, Аня должна получать пенсию. Мало того: я должен найти такую работу, чтобы не получать меньше прежнего.

Скоро Алешка должен поступать. Юра не имел высшего образования и очень хотел, чтобы сын окончил институт. Да и Аня сейчас ни о чем другом, наверно, не мечтает. Скоро кончится работа в Красной яранге, поеду в поселок, а там посмотрю, как планировать лето, куда податься. Надо же узнать, что у парня на уме. Да и об Оксане надо подумать. В общем, забот и хлопот много.

Володе я никаких вопросов не задавал. Я понимал, что если этого в общем-то скрытного, замкнутого человека вдруг прорвало, то только потому, что он поверил мне. Поверил в то, что я по-настоящему пойму его. Мне вдруг захотелось сделать ему что-нибудь хорошее, хотя трудно было представить, что бы я мог ему сделать в маленькой холодной гостинице, расположенной в помещении аэропорта. Вдруг меня осенило, и я торопливо сказал:

— Может, ты в город переедешь, Володя? У меня отличная квартира в центре. Скоро я уезжаю с Камчатки. Отдал бы квартиру тебе.

— Нет! Аня не оставит поселок, где выросли дети, где так много знакомых и друзей. А я не смогу, раз она не может. И потом, в поселке могила Юры. А Юра нас как-никак связывает: он как паром между двумя берегами. Вообще мне кажется, что если бы вдруг мы разъехались, то сразу потерялся бы смысл жизни.

Накануне прилетел вертолет из районного центра, привез жителям маленького поселка продукты и почту. Почти в каждом узле связи мы всем отрядом справлялись про почту. Все регулярно получали письма от родных. Не получал только Володя. Он лишь изредка давал телеграммы матери в Ленинград.

И вот на почту пошли без Володи. На улице выла обычная камчатская пурга, когда невозможно разобраться, откуда дует ветер: куда ни повернешься, в лицо бьет колючий снег. Аэропорт находился в километре от поселка, и расстояние это мы преодолели за час. Долго стряхивали с себя снег у порога почты и с шумом ввалились в крохотное деревянное помещение, где горела раскрасневшаяся железная печка.

Письма были всем. И мне, и библиотекарю Юрию Прохорихину, и киномеханику Анатолию Дьяченко, и нашему заведующему Александру Ростому, которого мы звали шефом. Стало очень шумно. Когда человеку радостно, он разговаривает громко. А тут было радостно целой компании.

— Нет чего-нибудь Владимиру Кулешову? — спросил я у красивой девушки, сидящей по ту сторону шатающейся перегородки.

— Паспорт, — строго сказала она, не поднимая головы.

— Он в гостинице.

— Паспорт, — все так же строго повторила она.

— Ну посмотрите, какая на улице пурга. Такие красивые глаза и такая жестокая.

Подействовало: она стала перебирать пачку с красно-синими полосатыми каемками.

— Есть Кулешову, — холодно сказала она, кладя письмо обратно в гнездо.

— Девушка, миленькая, ну хоть скажите от кого, — взмолился я.

— Не могу, это тайна.

— Пусть будет так. Когда закрывается почта?

— Через час.

Я выскочил на улицу, не дожидаясь своих спутников. Пурга усилилась, выла еще злее, сбивала с ног. Пройдя несколько шагов, я повернул назад. И прямо с порога зашагал к стойке, внося с собой ветер и пар.

— Поверьте мне, — как можно мягче сказал я, — это очень важное письмо. Но друг мой никак не успеет за час. Тайны чужой выдавать не надо. Посмотрите на конверт. Если письмо от Анны Пшонкиной, значит, вы должны верить мне. Если от кого-либо другого, то не говорите.

К стойке подошли ребята, которые до этого были заняты чтением писем. Загалдели хором. Долго еще пришлось упрашивать девушку, пока та не вызвала заведующую. Они вперемежку, перебивая друг друга, разъясняли нам инструкции. Потом, словно сговорившись, быстро согласились с нами, что никакие инструкции не могут учесть все нюансы жизни. Короче, девушка передала мне письмо.

С почты вышли все вместе. Но вскоре я уже шел в одиночестве. Ребята поотстали. Я шагал остервенело, несмотря на жгучий ветер и липкий снег. Дороги я не разбирал, но это меня ничуть не волновало. По обочинам тянулись высокие снежные сугробы, и я знал, что с пути не сойду. Рука в кармане крепко сжимала письмо.

— Володя, тебе почта! — громко сказал я, как только переступил порог.

Володя посмотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Письмо тебе. От Ани.

Он осторожно разорвал конверт, молча посмотрел на меня и, словно боясь чего-то неожиданного, начал читать. Я вышел в коридор якобы отряхнуться. Мне не хотелось ему мешать.

Минут через десять я вновь вошел в комнату. Володя стоял у окна и смотрел куда-то вдаль через темные оконные стекла, густо запыленные снегом с противоположной стороны. На его лицо легла полоска тени, и я подумал, что ему очень бы шла борода. Но Володю небритым я никогда не видел: будь то в тесном темном чуме или в поселковой гостинице, он всегда начинал утро с бритья. Он даже ухитрялся гладить брюки, поверх которых все равно носил когагли и торбаса, сшитые из оленьей шкуры. Роста он был высокого, чуть сутуловатый. Всмотриваясь в его угловатый профиль с прямым носом и массивной челюстью, я подумал об Ане.

— Ну что там? — нарушил молчание я.

В это время в комнату с шумом втиснулись наши друзья, и Володя не ответил.

— Где будут ночевать каюры? — спросил он, обращаясь к нашему шефу Саше Ростому.

— Недалеко отсюда, у одного старого коряка, — сказал Саша.

— Прошу тебя, покажи. — Володя начал одеваться.

— Что случилось? — спросил я, подходя к нему.

— Мне надо срочно в поселок, домой.

— Сейчас это невозможно. Ты не был с утра на улице и не знаешь, что там происходит. Подожди самолета, — сказал я.

— Долго. Не могу.

Я пошел провожать Володю. Каюры вначале не соглашались дать упряжку. Но мы уговорили. Выбрали самую хорошую: двенадцать собак с отличным вожаком.

— Я поеду с тобой, — сказал я, когда каюры готовили упряжку.

— Это невозможно. Погода плохая. Боязно.

— Одному не боязно, а вдвоем боязно?

— Собаки не потащат двоих, снег рыхлый.

— Ты хоть скажи, что случилось.

— Аня зовет. Она очень хочет меня видеть.

В черной снежной круговерти скрылась шумная суетливая упряжка. Долго еще я видел, как на воображаемой дороге уменьшается темная точка, пока все не смешалось перед глазами.